

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

## К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКОЙ ВЕРСИИ «ХРИСТИАНСКОЙ ТОПОГРАФИИ» КОЗЬМЫ ИНДИКОПЛОВА

Среди переводных памятников византийской письменности VI в., имевших богатую и разнообразную древнерусскую традицию, редкий текст пользовался такой необычайной популярностью у средневековых книжников, как сочинение Козьмы Индикоплова (так называемая его «Христианская Топография») <sup>1</sup>. К сожалению, сколь-нибудь полного, обобщенного и всестороннего разбора сочинения Козьмы Индикоплова, включая элементы филологического, исторического, искусствоведческого и философского исследования памятника, даже в греческой рукописной традиции пока не существует. В значительной мере это может быть восполнено исследованием и критическим изданием текста В. Вольска <sup>2</sup>. Тем не менее уже более ста лет тому назад это сочинение стало известно отечественной науке. Первым его предварительный анализ выполнил И. И. Срезневский <sup>3</sup>. Он привел достаточно подробный перечень отличий древнерусского текста памятника, сопоставив греческий текст, изданный Монфоконом в 1706 г., и списки из Синодального собрания (неизвестно, какие именно). По мнению ученого, для более полного изучения текста греческого оригинала необходимо обращение к его древнерусской версии, но ему не были известны, как он сам считал, «удовлетворительные» списки сочинений Козьмы, и потому «разбор перевода» был отложен до «приискания хорошего списка». И. И. Срезневскому не были известны списки полного текста сочинения Козьмы ранее XVI в. В то же время он был знаком с отрывком из «Топографии» Козьмы по списку из Софийского сборника XIV—XV вв. <sup>4</sup> И, сличив этот отрывок с полным текстом сочинения, он пришел к убеждению, что в его основе лежал один перевод, существовавший, видимо, в древнерусской письменности уже в XIV—XV вв. По мнению ученого, древние формы языка памятника свидетельствуют в пользу более ранней его датировки (до XVI в.).

Вопрос об особенностях языковой структуры перевода был в дальнейшем рассмотрен А. И. Соболевским <sup>5</sup>. Лексический анализ текста, как счи-

<sup>1</sup> В рукописях это сочинение имеет заглавие: «Книги о Христе, объемлюща весь миръ» или «Книги Козмы, нарицаемаго Индикоплова, избранны от божественныхъ писанийъ благочестивымъ и повсюду славимымъ киръ Козмою». В настоящее время насчитывается свыше 50 полных списков текста сочинения и свыше 40 его отрывков XV—XIX вв. Наиболее полно классификация всех дошедших списков представлена в работе: Jacobs A. Cosmas Indicopleustes «Die Christliche Topographie» in slavischer Übersetzung // BS. Pr., 1979. T. XL (2). S. 183—198.

<sup>2</sup> Wolska W. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes: Théologie et science en VI siècle. P., 1962; *Eadem*. Cosmas Indicopleustes. Topographie chrétienne: Introduction, texte critique, illustrations et notes. T. I—III // Sources chrétiennes. P., 1968—1973. N 141, 159, 197. Последней, в некотором роде обобщающей работой в отечественной историографии можно считать раздел «Косма Индикоплов и его „Христианская Топография“», написанный З. В. Удальцовой, в книге «Культура Византии. IV—первая половина VII в.». М., 1984. С. 467—477. Здесь также приведена обширная библиография вопроса.

<sup>3</sup> Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // СОРЯС. СПб., 1867. Вып. 2. С. 1—19.

<sup>4</sup> По-видимому, это сборник № 245 из собрания Археографической комиссии, хранящейся в настоящее время в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР.

<sup>5</sup> Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода (1897 г.) // А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 139.

тал ученый, свидетельствует о русском, а не южнославянском, как можно было бы ожидать, переводе «Христианской Топографии»<sup>6</sup>. В качестве примеров А. И. Соболевский приводит такие слова: насадъ; женчугъ; лохань; плугъ; шатерь; хвостъ; разноличный, ладень (в значении «равен»); попона; приладитися (в значении «приравняться»); руда золотая; рубль (в значении «кусочек металла»); сырая кожа; тоземець; научиться грамотѣ. Многие из перечисленных слов имеют аналогии в древнейших русских летописных текстах (Начальной, Ипатьевской).

Однако до сих пор вопрос о редакциях перевода не решен окончательно; все ли сохранившиеся списки восходят к одному протографу или существовал ряд переводов версий; в каком отношении тексты отрывков дошедших списков находятся к полным лицевым сохранившимся рукописям и т. п. Так, например, В. М. Истрин на основании анализа текста сказания о столпотворении в «Хронографе» из собрания ЦГАДА № 902—1468 предполагал, что могло существовать несколько редакций его перевода. Однако он не отрицал и того, что он мог быть выполнен только для данного списка «Хронографа»<sup>7</sup>.

Попытку систематизировать дошедший рукописный материал древнерусской версии памятника предпринял в конце XIX—начале XX столетия Е. К. Редин. Он подготовил фундаментальное исследование, которое вышло, к сожалению, уже после его смерти.<sup>8</sup> Е. К. Редин привлек для своего исследования 29 списков конца XV—XVIII в., которые он собрал и разыскал в различных государственных хранилищах, частных собраниях и монастырях. Е. К. Редин впервые сделал попытку рассмотреть все известные ему рукописи в их генетических связях и взаимоотношениях с греческим оригиналом. Но преимущественно он занимался анализом с позиций иконографических традиций древнерусского искусства и его зависимости от византийских и западных образцов.

Е. К. Редин разделил все списки на семь редакций. 1-ая — Уваровская, названная так по старейшему списку из собрания Уварова № 1731 (566) (210) точно датируемому 1495 г. К ней он отнес еще 9 списков. Названная рукопись до сих пор остается лучшей и самой полной в сохранившейся древнерусской письменной традиции<sup>9</sup>. По мнению Е. К. Редина, этот список — «лучший показатель о зависимости мастера от византийских образцов XI—XII вв., но композиции во многих случаях отличаются от всех иллюстраций Козьмы. Самостоятельная ли это переработка или копия неизвестного нам югославянского образца, мы пока сказать не можем; вероятно, скорее первое»<sup>10</sup>. 2-я и 3-я редакции — Синодальная и Архивная. Обе они, как считал Е. К. Редин, близки друг к другу, отличаясь лишь отдельными деталями. Хотя в этих списках чувствуется зависимость от византийского образца, в них присутствует и свободная разработка сюжетов с дальнейшим развитием композиций. Время возникновения этих редакций не ранее XVI в., как считал ученый. А место возникновения, по-видимому, Новгород, так как в характере работы миниатюристов видны признаки, отмечаемые в композициях новгородского происхождения<sup>11</sup>.

Лучшим списком является рукопись из Синодальной библиотеки № 997, 1542 г. (всего к этой редакции он отнес 7 списков). А список

<sup>6</sup> До сих пор известен лишь один южнославянский список памятника см.: *Jagić V. Козма Индикоплов по српскому рукопису г. 1649-е // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1922. Т. 44. 2 (38). Однако, как доказал В. Ягич, этот список — копия с древнерусского.*

<sup>7</sup> *Истрин В. М. Замечания о составе Толковой I—III Палеи // ИОРЯС. 1897. Т. 2, кн. 1. С. 178—184.*

<sup>8</sup> *Редин Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. Ч. 1.*

<sup>9</sup> По этому списку, насколько нам известно, коллеги В. С. Голошенко, В. Ф. Дубровина подготовили лингвистическое издание текста.

<sup>10</sup> *Редин Е. К. Христианская Топография. . . С. XIII.*

<sup>11</sup> Там же.

Архива Министерства Иностранных Дел № 159 (1539)<sup>12</sup> Е. К. Редин считал «шедевром древнерусского искусства XVI в.», сопоставившим с лучшими иконами мастеров московской школы<sup>13</sup>. Эта редакция дошла в 6 списках. 4-я редакция — Сложная. Она названа Е. К. Рединым так потому, что в манере иллюстрирования использованы композиции разных редакций. Аналогичный прием был отмечен Ф. И. Буслаевым в некоторых списках Апокалипсиса<sup>14</sup>. Эта редакция представлена единственным списком из собрания Погодина, № 1088 (XVII в.)<sup>15</sup>.

5-я редакция — Самостоятельная. Ее миниатюры написаны вне подражания каким-либо образцам, исполнены очень своеобразно, и, как считал Е. К. Редин, «отсутствие школы заметно до такой степени, что как толпа, так и отдельные фигуры являются не только национальным, но, по-видимому, единственно доступным для рисовальщика материалом», ему это напоминает народное произведение<sup>16</sup>. Редакция представлена лишь одним списком из собрания Погодина № 1091 (XVI в.). 6-я — Полная, или Распространенная редакция. Ее отличительными особенностями являются черты некоторого натурализма в изображении пейзажа, костюмов, зданий. Этот натурализм, как доказал Е. К. Редин, объясняется «влиянием западных образцов, западных гравюр, композиции которых во многих случаях прямо переносятся с опущением некоторых деталей в миниатюры»<sup>17</sup>. Это специфическое культурное явление было отмечено уже ранее в работах Ф. И. Буслаева и Д. Ровинского<sup>18</sup>.

Исключительно велико было влияние гравюр Библии Пискатера. Влияние это было как непосредственным при работе с самим оригиналом, так и вторичным при использовании русских гравюр, испытавших уже на себе влияние гравировальных приемов Библии Пискатера. Можно также заметить в изображениях древнерусских миниатюристов, в списках этой редакции, как считал Е. К. Редин, и следы использования чешской Библии 1547 г. Наиболее характерный список этой редакции — рукопись из собрания П. П. Шеффера XVII в. Кроме него, еще два списка отнес исследователь к этой редакции. 7-я редакция — Краткая западного характера. Эта редакция также имеет следы влияния западных образцов гравюр, но по исполнению она краткая. Представлена, она, по мнению Е. К. Редина, единственным списком из собрания Погодина № 1089 (XVII в.).

Все исследование Е. К. Редина, как мы уже отмечали, было построено на сопоставлении иконографических принципов и изображений древнерусской версии памятника и оригинала. В этом плане он развивал те положения искусствоведческой науки, которые были начаты в работах Н. П. Кондакова, Ф. И. Буслаева и др. И в этом смысле его исследование было важным для истории как византийского, так и древнерусского искусства. Е. К. Редин скрупулезно рассматривал отдельно циклы миниатюр каждого Слова сочинения Козьмы. К сожалению, книга вышла уже посмертным изданием благодаря труду и заботам Д. В. Айналова, учителя и близкого друга Е. К. Редина. До последних дней своей жизни ученый работал над своей книгой. Из сохранившейся переписки двух друзей по поводу издания работы можно узнать, что процесс ее печатания и подготовки последующих глав шел медленно и был необычайно сложным из-за множества иллюстративного материала, привлеченного ученым<sup>19</sup>.

<sup>12</sup> По этому списку было выполнено единственное факсимильное издание памятника. См.: Общество любителей древней письменности. СПб., 1886. Т. 86. № 132.

<sup>13</sup> Редин Е. К. Христианская Топография. . . С. XII.

<sup>14</sup> Буслаев Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис. М., 1884. С. 539.

<sup>15</sup> Редин Е. К. Христианская Топография. . . С. XIV.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же. С. XV.

<sup>18</sup> Буслаев Ф. И. Русский лицевой. . . С. 25, 54, 127—139; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. V. С. 16.

<sup>19</sup> См. ф. № 737 в ЛО Архива АН СССР, оп. 2, № 82, л. 28—30 об. Интересно, что Е. К. Редин, несмотря на то, что сам собрал богатейший иллюстративный материал по изучению сочинения Козьмы, все время проверял себя и сверял свои выводы

Вот почему Д. В. Айналов после смерти Е. К. Редина счел возможным напечатать лишь ту часть исследования, которая содержала главы, посвященные анализу только пяти слов сочинения Козьмы<sup>20</sup>. Как мы уже отмечали, наряду с привлеченным параллельным византийским иконографическим материалом Е. К. Редин продолжил изучение отличий древнерусской версии от оригинала. Однако оно было выполнено не с позиции текстологического и источниковедческого анализов текстов. И в этом смысле намеченные и поставленные Е. К. Рединым вопросы изучения перевода и оригинала должны быть продолжены. Совпадает ли предложенная им классификация дошедших списков, основанная на иконографическом анализе сочинения, с выводами текстологических и источниковедческих наблюдений? Могут ли они быть взаимосвязаны в процессе изучения истории перевода текста памятника?

Мы снова должны отметить тот факт, что вопрос о времени перевода памятника на древнеславянский язык и времени появления его в письменной культуре Древней Руси остается открытым. Считалось, что отрывок сочинения Козьмы Индикоплова находится в «Новгородской Кормчей» XIII в., т. е. что это древнейший дошедший текст «Христианской Топографии» в древнерусской традиции. Однако предварительное знакомство с подробным описанием содержания «Новгородской Кормчей», выполненным еще И. И. Срезневским<sup>21</sup>, позволяет сомневаться в этом. Предстоит, по-видимому, просмотр текста памятника лист за листом, что крайне затруднительно из-за современного состояния Отдела рукописей Государственного Исторического музея. Для установления времени перевода памятника нельзя оставить в стороне и вопрос о соотношении отрывков текста о столпотворении из сочинения Козьмы в Начальной русской летописи и в «Толковой Палее». Тогда, время перевода текста или отрывков сочинения может быть обозначено концом XI—началом XIII в. Важны и вопросы соотношения перевода и оформления рукописей по сравнению с оригиналом. Напомним, что это направление изучения памятников в переводной письменности в современной отечественной науке разработано недостаточно из-за неизученности текстологического и источниковедческого аспектов многих переводных памятников. Исключение составляют лишь новозаветные тексты<sup>22</sup>. Следует более тщательно изучить и составы сборников, содержащих отрывки сочинения Козьмы Индикоплова. Это важно не только для установления времени или полноты перевода памятника, но и для решения вопроса о бытовании на Руси аналогичных памятников (естественнонаучного, энциклопедического состава)<sup>23</sup>.

---

с наблюдениями коллег. Так, он писал Д. В. Айналову: «Будь так добр, пожалуйста, справляйся с атласом Лихачева и в тех случаях, когда нужно делать ссылки на него, делай» (л. 30—30 об.)

<sup>20</sup> Как писал в предисловии к изданию работы Е. К. Редина Д. В. Айналов: «Ознакомившись с рукописью, я увидел, что Е. К. Редин до самого последнего часа своей жизни, пока он был здоров, делал исправления и намечал новые серии рисунков, которые должны были войти в текст с соответствующим описанием. Эти рисунки, однако, во многих случаях остались не только без описания, но даже не были упомянуты в тексте рукописи. Работа оказалась, таким образом, в некоторых частях выполненной вчерне, с расчетом в свое время исправить и дополнить текст. Описывать их я не решился, так как вообще принял за правило обнародовать собственный текст Е. К. Редина». См.: Айналов Д. В. Предисловие // Е. К. Редин. Христианская Топография. . . С. III—IV.

<sup>21</sup> Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897. С. 85—112.

<sup>22</sup> См. об этом: Жуковская Л. П. Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника // Древнерусское искусство. Рукописная книга: Сб. второй. М., 1974. С. 58—69.

<sup>23</sup> Отчасти эти наблюдения были обозначены в исследовании Е. К. Редина, но вследствие недостаточного источниковедческого изучения каждого отдельного памятника не смогли получить точных разработок. Интересные, на наш взгляд, положения содержатся в работах Л. А. Илюшиной и Г. С. Баранковой. См., например: Илюшина Л. А. Христианская Топография Козьмы Индикоплова // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. 1. М., 1976; Баранкова Г. С. Шестоднев повествовательный // Там же. С. 165—180.

Интересно отметить необычайную популярность «Христианской топографии» в XVI—XVII вв. В это время, когда на Руси появились уже переводы западных космографических сочинений Блау и А. Ортелия<sup>24</sup>, несмотря на их более прогрессивный характер (авторы, в частности, придерживаются представлений о шарообразности земли), труд Козьмы все еще был широко распространен на Руси, о чем свидетельствует и более богатая рукописная традиция<sup>25</sup>. Нельзя оставить без внимания и вопрос о связи сочинений Козьмы и старца Филофея, и какова роль первого в складывании теории «Москва—третий Рим»<sup>26</sup>.

Все эти перечисленные вопросы требуют специального рассмотрения<sup>27</sup>. Ниже мы приводим наши наблюдения по некоторым частным вопросам. В большинстве дошедших полных древнерусских списках сочинения Козьмы перед текстом имеется лицевое изображение автора, как правило, на отдельном листе. В сохранившихся греческих рукописях подобного рисунка нет. Полных греческих текстов, как известно, три — Vat. gr. № 699 (IX в.), Syn. Gr. 1186 (XI в.), Laur. Plut. IX. 28 (XI в.)<sup>28</sup>. Кроме них — отрывок текста в «Смирнском Физиологе» XIII в. и значительное число небольших отрывков. И. Стржиговский полагал, что в «Смирнском Физиологе» на миниатюре, представляющей старца у кивория, передающего юноше книгу, изображен Козьма<sup>29</sup>. Отсюда, с его точки зрения, и идет традиция изображения его в древнерусских текстах. (Напомним, что древнейший — сохранившийся иллюминированный древнерусский текст 1495 г.) Однако мы не имеем для этого утверждения никаких доказательств, так как нет точного изображения Козьмы в ранних текстах его сочинения (тем более, что сейчас подвергается сомнению и самый факт того, что он был автором своих схем и рисунков)<sup>30</sup>. Во всяком случае изображения евангелистов уже в древнейших греческих списках Евангелий, например в «Евангелии Рабулы» VI в. и др., а в русских рукописях — евангелиста Иоанна в лицевых апокалипсисах, Иоанна Дамаскина перед Житием Варлаама и Иосафа и т. д. — говорит в пользу того, что ближайшим прототипом портретов авторов как византийских, так и древнерус-

<sup>24</sup> См. об этом: Казакова Н. А. Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis Terrarum sive Atlas Novus» // ВИД. Л., 1985. Т. XVII. С. 161—178; Она же. Русский перевод XVII в. «Theatrum orbis Terrarum» А. Ортелия // ВИД. Л., 1987. Т. XVIII. С. 121—131.

<sup>25</sup> Около 40 списков полного текста сочинения Козьмы XVI—XVII вв. дошло в древнерусской рукописной традиции. На факт необычайно широкого распространения взглядов Козьмы Индикоплова даже в XVII—XVIII вв. указывал еще В. И. Вернадский, хотя он и подчеркивал, что никогда воззрение Козьмы «не было общепринятым в церкви — ни в восточной, ни в западной, но пользовались большим авторитетом, особенно на греческом Востоке». См.: Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 106—107.

<sup>26</sup> Первым обратил внимание на использование текста Козьмы в сочинениях Филофея В. Малинин. См.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 227, 296—297, 300 и след. Речь шла об отрывке текста о столпотворении и толковании на «апокалипсис четвертого зверя». Среди работ в современной отечественной историографии см., например: Масленников Н. Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1950. Т. 8. С. 187—217; Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея»: (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 68—97; Она же. Идея «Москва — третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 139—149. В работах А. Л. Гольдберга проведена обширная библиография современных советских и западных работ по этому вопросу. Основная полемика А. Л. Гольдберга направлена против взглядов западногерманского слависта Ф. Кемпфера.

<sup>27</sup> Некоторые результаты наших наблюдений над отрывками сочинения Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции см.: Pjotrowskaja E. K. On the Old Russian version of «Christian Topography» by Cosmas Indicopleustes // JÖB. 1982. Bd. 32. T. 4. S. 147—153.

<sup>28</sup> Wolska-Conus W. Cosmas Indicopleustes. . . P. 45—50.

<sup>29</sup> Strzygowski J. Der Bilderkreis des Griechischen Physiologus: Des Kosmas Indikopleustes und Oktateuch nach Handschriften der Bibliothek zu Smyrna // Byzantinisches Archiv. Leipzig, 1899. H. 2.

<sup>30</sup> Подробнее об этом см.: Удальцова З. В. Страничка из истории византийской культуры: (Косьма Индикоплевст и его «Христианская Топография») // ВИД. М., 1977. № 1. С. 206—212.

ских памятников, служило изображение евангелистов. И портреты Козьмы Индикоплова в большинстве древнерусских списков представляют его, в подражание евангелистам, сидящим у стола в задумчивой позе, иногда пишущим свиток или книгу. Он наделен также нимбом (замечим, что в греческой традиции Козьма неизвестен как святой). В названных работах Е. К. Редина уже были подробно рассмотрены все иконографические особенности и детали изображений (всего 12) Козьмы в древнерусской традиции (влияние на интерьер архитектурных форм византийского искусства, а в более поздних списках XVI—XVIII вв. образцов западноевропейской гравюры)<sup>31</sup>. Однако хотелось бы обратить внимание на следующие наши наблюдения и сопоставления.

В «Описании греческих рукописей монастыря святой Екатерины на Синае», изданном В. Н. Бенешевичем, есть три интересных, на наш взгляд, замечания к описанию дошедших текстов евангелий:

1) № 79, пергаменное тетраевангелие IX—X вв. «с краткими предисловиями Козьмы Индикоплателя пред каждым евангелистом. В каждом предисловии кратко говорится о самом евангелисте и о содержании евангелий его. Например, евангелист Матфей написал свое евангелие по-еврейски, а Иоанн Богослов перевел его по-гречески. . .»<sup>32</sup>

2) № 85 (175), пергаменное тетраевангелие XII—XIII вв., принадлежащее перу монаха Арсения Металигонкониса, содержит предисловие Козьмы Индикоплевста к евангелию от Матфея: «'Ἐλθομεν λοιπὸν καὶ ἐπὶ τοὺς εὐαγγελιστὰς καὶ ἀποστόλους καὶ δεῖξωμεν καὶ αὐτοὺς συμφώνως τοῖς παλαῖοις . . . καὶ προκαταγγείλαντι περὶ τούτων θεῷ καὶ νῦν πληρώσαντι καὶ πρηροῦντι ἀμήν»<sup>33</sup>.

3) № 2038, в бумажном иллюстрированном четвероевангелии XIII—XIV вв. (с изображениями четырех евангелистов), где «каждому евангелию предпосланы предисловие Космы Индикоплова и указатель содержания»<sup>34</sup>.

Таким образом, можно заключить, что упоминание имени Козьмы Индикоплова с сопровождающими текстами в названных трех синайских евангелиях XI—XIV вв. рядом с изображениями и текстами евангелистов свидетельствует о необычайно высоком авторитете сочинения Козьмы Индикоплова через несколько веков после его смерти<sup>35</sup>. Пока что эта греческая традиция связана с кругом рукописей Синайского монастыря св. Екатерины<sup>36</sup>. Возможно, с этим же кругом в дальнейшем после полного текстологического анализа текстов древнерусской версии можно будет связать и ее происхождение.

<sup>31</sup> Редин Е. К. Христианская Топография. . . С. 23—33; Он же. Портрет Космы Индикоплова в русских лицевых списках его сочинения // ВВ. СПб., 1906. Т. XII. С. 112—131.

<sup>32</sup> Описание греческих рукописей монастыря святой Екатерины на Синае / Под ред. В. Н. Бенешевича. СПб., 1911. Т. 1. С. 97.

<sup>33</sup> Там же. С. 98—99.

<sup>34</sup> Там же. Пг., 1917. Т. III. Вып. 1. С. 304—305.

<sup>35</sup> О значении текстов и иллюстраций, предшествующих евангельскому кодексу в византийской традиции см.: Galavaris G. The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels // Byzantina Vindobonensia. Wien, 1979. Bd. XI. S. 26—28.

<sup>36</sup> Напомним, что еще В. Н. Бенешевич отметил в своем списке «Лиц, бывших на Синае, и трудов о Синае» и Козьму Индикоплова под № 24. См.: Бенешевич В. Н. Памятники Синая. Археологические и палеографические. Л., 1925. Вып. 2. С. VII.